

КГБ: Комитет государственных блогеров. Марьясова, Чадаев, Уралов

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска - руководитель Комитета по работе с блогерами [Мария Марьясова](#)

[Youtube](#)

[Rutube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио на тг-канале Семёна Уралова](#)

Аудио VK

[Аудио ЧП-101 на podster.fm](#)

Дата выпуска: 10 сентября 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, рад всех приветствовать. С вами подкаст «[Чистота понимания](#)». Напомню, что это площадка, где мы обсуждаем самые острые, самые актуальные темы и добиваемся чистоты понимания самых разных событий и явлений.

Это площадка для умных, образованных людей. Кто еще не смотрел, обязательно пересмотрите наши предыдущие записные выпуски. Меня зовут Иван Князев. Позвольте представить наших постоянных ведущих. [Алексей Чадаев](#).

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Политолог, журналист. И [Семен Уралов](#).

Семен Уралов. На посту.

ИК. Политолог, журналист, писатель.

Ну а в гостях у нас сегодня Мария Марьясова, руководитель комитета по работе с блогерами.

Мария Марьясова. Коллеги, добрый день. Спасибо за мерч.

ИК. Да, и понятно, что говорить мы сегодня будем как раз-таки о блогерах, а нас с вами, получается. Мы же все здесь блогеры? Семен, ты блогер?

СУ. А у тебя сколько подписчиков?

ИК. У меня человек сто, наверное. Сто тридцать.

СУ. Начинаящий.

ИК. Начинающий блогер. У Алексея побольше, у вас тоже побольше.

Мария, не могу не отметить, у вас очень сложная работа. Мне кажется, достаточно неуправляемый контингент. И хотелось бы сегодня разобраться, кто такие блогеры есть сегодня в нашей стране, чем они занимаются, на что влияют. И какую роль, во-первых, они выполняют, какую должны роль выполнять и в кого они трансформируются и превращаются. Потому что блогер 10 лет назад, мне кажется, это немножко другая сущность, чем та, которая есть сейчас. Ну и, братцы, тоже накидывайте контур обсуждения.

АЧ. Я добавлю, что у Марии был пост недавно интересный, как раз по поводу того, как в Эмиратах местное начальство организовало целую большую специальную программу по привлечению в страну блогеров. Причем там какие-то бонусы и разные плюшки.

ММ. Какие это бонусы — золотая виза.

ИК. За сколько подписчиков?

ММ. Они выделили 10 тысяч таких золотых виз для инфлюенсеров со всего мира. И гражданство, притом еще налоги какие-то особенные, им дают инфраструктуру, им дают сотрудников, команду, которые помогают создавать и продвигать контент. Звучит как просто рай.

ИК. А критерии отбора?

ММ. Там не настолько все детально, конечно, то, что у нас в доступе.

АЧ. Аудитория в основном. Ключевое — это [инфопузырь](#). Они собирают инфопузыри со всего шарика, себе на пляж. Это прямо политика такая, это способ натянуть на себя внимание большого количества людей со всего мира, собрав его в свою точку.

ИК. С условиями?

АЧ. С какими особо условиями? На самом деле почти без никаких. Учитывая, что в основном это не какие-то политические блогеры, у политических таких аудиторий нет. Это блогеры потребительские, бытовые, про то, как похудеть, про то, что покупать, про то, как обрести психологическую устойчивость.

ИК. Это тоже блогеры?

АЧ. Конечно.

ММ. Я думаю, им контент-план точно дадут. Если они были до этого только лайфстайл-блогерами, мне кажется, их нагрузят по полной. Рассказывать, как прекрасен Дубай, и шейх, и так далее.

АЧ. В любом случае, здесь видна какая-то стратегия и госполитика. Интересный вопрос, есть ли госполитика у нас по этому вопросу. Есть ли госполитика у нас именно по работе с этими людьми, потому что здесь есть некоторый зазор. И этот зазор в первую очередь хочется обсудить. Зазор такой: у этих лайфстайл-блогеров, у многих из них миллионные аудитории, а то и многомиллионные. У них уровень влияния, количество людей, которые на них смотрят, их слушают и так далее, это огромная часть наших сограждан. Но при этом институционально они никто.

Из-за этого появляются какие-то события, когда какая-то [телезвезда из Монако внезапно что-то где-то пишет](#). И это тут же получает гигантское количество просмотров, на это реагируют сотрудники администрации президента, что в свою очередь тоже вызывает волну. То есть – двойственность. С одной стороны, огромное влияние де-факто, а с другой стороны, абсолютное отсутствие какой-то вовлеченности, встроенности в общество де-юре и в организационном смысле.

ММ. Встроенности нет действительно. Когда несколько лет назад мы создавали этот комитет, мне даже немножко было неловко представляться в каких-то кругах определенных, называть свою должность, потому что было крайне негативное отношение и у людей, но и у представителей органов власти. Дальше все, что мы делали, это показывали примеры, конкретные кейсы и факты, почему блогеры могут быть полезны, почему они могут быть полезны для страны, почему они могут быть полезны для общества. И демонстрировали разницу между этичным блогером и условно инфоцыганом и каким-нибудь менее уважаемым инфлюенсером.

Мы создали кодекс этичного блогера, в котором блогерское сообщество само перечислило критерии, кого стоит уважать, а кого нет, из блогеров.

АЧ. Ага, а теперь все говорят, что ты запретила всем в купальниках сниматься.

ММ. Да, интересно, что эту информацию с такой охотой подхватили СМИ. Мне сказали, что было более 100 репостов за полчаса у тех, кто про это написал.

Да, конечно, я нахожусь тоже в постоянном ограничении, потому что наших инфлюенсеров мы приводим в Государственную Думу, учитывая, что физически мероприятия проходят там, и постоянно сталкиваемся с хейтом. Притом, что интересно, во всех случаях, когда было разоблачение девушек, и они были эскортницами, это всегда приглашал кто-то другой. Всегда можно по соцсетям посмотреть, кто именно пригласил, цепочка легко отслеживается.

Но из-за того, что блогеров у нас намного больше, у нас 300 инфлюенсеров во взаимодействии, то на нас тоже постоянно косятся, перепроверяют, кто к нам ходит. Поэтому здесь мы должны перестраховываться, во-первых, и обозначать нашу позицию, что — все-таки давайте, если молодая красивая девчонка, лучше поменьше фото в купальниках. Важно, что наши люди это слышат. И очень многие убрали у себя этот контент, чтобы продолжать быть нашими друзьями.

АЧ. Ходить в приличные места.

СУ. А зачем им это надо? Вот я пока не могу понять. Зачем нужно комитету кого-то объединять, это очевидно. А зачем блогерам ходить в комитет?

ММ. Потому что мы крутые, харизматичные, интересные. Они хотят быть частью мощного сообщества. Смотрите, блогеры во многом интроверты. Это кажется, что они все время на подаче что-то делают, но внутри, как правило, это люди достаточно закрытые, которые так уж много не общаются. Есть узкие группы людей, где маленькие компашки.

Но так, чтобы тебе попасть сразу в отобранную аудиторию, где 300 таких же, как ты, и по размеру, и по влиянию, и по идеям — вообще-то за такие сообщества платят, наоборот. Мы знаем, членские взносы в разные сообщества премиальные — это может быть цена и миллион, и полтора. В этом смысле то, что мы бесплатно представляем наше сообщество — это даже, наверное, с нашей стороны большой подарок.

ИК. Профсоюз такой?

СУ. Они, получается, на публику постоянно демонстрируют свою экстравертность. Это как у Вертинского получается:

Я усталый старый клоун,
Я машу мечом картонным.

Он постоянно передавал это ощущение.

Я вот четко разделяю: блогеров-купцов, у кого задача что-то продать или купить. Блогеров-скоморохов — это кривляться, развлекать публику. И блогеров-воспитателей/просветителей — донести, поделиться каким-то знанием, пониманием. Это три разных типа блогера. Они по форме похожи, а купец — у него все, что не приносит барыш... Какой смысл ему с кем-то общаться? Бессмысленно ему это. Скоморох, наверное, просто устает кривляться, действительно. Еще где-то там кривляться — какой смысл?

Понятно, что это условное разделение, это пересекающиеся типы. Скомороху тоже надо быть немного купцом. А вот когда ты воспитатель, извини меня, это выбор осознанный. Это тяжелый труд.

АЧ. Ты знаешь, я бы расширил твою классификацию. Ты говоришь, воспитатели-просветители, а есть еще люди, которые несут какую-нибудь тему. У которых есть одна фиксация на чем-нибудь, на бездомных собаках. И они заколебут всех этими бездомными собаками.

СУ. Зацикленные?

АЧ. Конечно, они никого не воспитывают. Они несут в мир свою какую-то тему, правду, идею, собирают на этом свой инфопузырь. Как раз это дает неожиданные эффекты, как на Сахалине.

ММ. Я бы сказала, что они транслируют свою боль, те, кто затрагивает острые социальные темы. Это то, что их действительно волнует, и они этим делятся и вовлекают свою аудиторию в эту же проблематику. Как правило, подписчики тоже эту проблему понимают и тоже хотят в ней как-то участвовать.

Для нас, конечно, такие инфлюенсеры особенно важны. Потому что тогда мы понимаем, в чем может быть наша коллаборация содержательная и деятельная. Например, одна из наших инфлюенсеров Таша Белая написала нам — а ей написали ее подписчики до этого — о том, что на Сахалине 200 собак находятся в концлагере, эту фразу использовали в интернете, поэтому я ее повторяю, в концлагере для животных. Их отловили за счет контракта бюджетного.

АЧ. Были бродячие.

ММ. Их отловили, а дальше содержать — тут я не знаю, то ли лень, то ли это дешевле стоит. Их там не кормили, не поили, и только волонтеры пытались как-то перебросить еду, как-то проникнуть, но их тоже не пускали.

Таша обратилась к нам, и если бы она была не встроенным блогером, а сама по себе, то у нее не было бы никаких рычагов, потому что — что она может сделать из Москвы с собаками, которые на Сахалине. Но из-за того, что она взаимодействует с нами, у нее была возможность нам рассказать, а нам включиться в эту проблему. Мы попытались сначала дистанционно как-то разрулить, но это еще были майские праздники, нас все продинамили, все наши попытки дистанционно что-то сделать ничем не увенчались.

И мы приняли решение лететь лично. Мы летели часов восемь, мы прям тут же вылетели. Параллельно наши блогеры запустили волну в интернете о том, что есть такая проблема. Наши девчонки прямо сейчас летят ее решать, мы не знаем, дадут им решать или какие-то будут к нам противоправные действия или еще что-то. Но это была большая волна. А мы летели без интернета, то есть мы даже не могли как-то ее разгонять. Но сообщество само все это сделало.

ИК. Еще раз уточню, 300 человек у вас.

ММ. 300 блогеров, да. Более 100 миллионов подписчиков суммарно.

ИК. Это мощный инструмент. Любую проблему можно так раскрутить.

ММ. Дело в том, что от того, что происходит информирование о проблеме, не равно тому, что проблема решилась. Мы видим много случаев, когда подхватывается какая-то тема — обратите внимание, то-то, то-то, то-то — но решения за этим не следует. И просто происходят общие переживания друг другу, соболезнования и прочее, прочее.

В нашем случае, так как мы были, грубо говоря, в тандеме, то мы полетели делать руками. В-первых, у нас была возможность договариваться с местными органами власти. Нам помогли еще коллеги телеграм-каналов, которые про это сделали посты, и до местных органов власти эти посты дошли. Они увидели — так, сейчас у нас есть... Мы протранслировали, что у вас сейчас есть возможность либо обозначить, что вы не в курсе этой проблемы, и нам помочь, либо следующим шагом мы уже будем критиковать всех. И как раз пока мы летели, это решение принималось. Как только мы приземлились, нам сказали, что принято решение отдать всех собак вам.

Теперь важно, что значит – «отдать всех собак вам». 200.

СУ. Это вывозной рейс нужен. И всем блогерам раздать.

АЧ. Дальше это – «101 далматинец».

ММ. Мы, кстати, рассматривали вариант, чтобы привлечь местных и как-то их замотивировать, в том числе предоставив годовой пакет корма каждому, чтобы они приняли. В итоге, как мы поступили: мы договорились с местными частными приютами, хорошими, взяли на себя расходы по перевозке собак и по их содержанию на первое время, до тех пор, пока их не законтракуют местные органы власти. Это было решено взятием на себя ответственности, финансовой в том числе.

СУ. Живодеры поняли, что поднимается какой-то нездоровый скандал. И решили до этого скандала сбавить ответственность.

ММ. Нет, живодеры ничего там не решали. Мы договаривались на уровне первых-вторых лиц региона.

СУ. Эта живодерня кому-то принадлежала, каким-то конкретным бизнесменам?

ММ. Бизнесменам. А мы договаривались с властью местной.

СУ. А, то есть власть дала команду коммерсантов.

ИК. Порешали, чтобы вопрос решить.

АЧ. Они просто испугались скандала и хейта.

ММ. Я ставлю позицию, что так как мы договорились — я считаю, что местные органы власти были про это не в курсе, с кем мы договаривались, и вполне допускаю, что так оно могло быть — и увидев, что там действительно огромные проблемы, плюс это все, просто нам отдали, потому что это было разумно. Потому что мы взяли риски.

ИК. Госуха вмешалась в проблему.

СУ. Это как в свое время выполняло функцию письмо в газету «Правда». Если оно уже вышло!..

АЧ. «Газета выступила, что сделано».

СУ. И все, никуда ты не денешься. Придется работать.

ИК. Братцы, в классификацию «блогер-политтехнолог» не хотите добавить? У нас есть такие?

АЧ. Таких есть, не очень много. Есть даже рейтинги этих самых блогеров-политтехнологов. Я там вечно числюсь на каком-нибудь третьем-четвертом месте, хотя уже давно не в этой профессии.

ИК. Так же можно политические задачи, политические интересы...

АЧ. Можно, но все-таки политтехнолог обычно не публичный персонаж. Я всю жизнь был весьма малопубличным персонажем. Это сейчас.

СУ. Ты в ЖЖ что-то писал.

АЧ. Ну, в ЖЖ что-то писал, в Фейсбуке что-то писал. Но это все равно были аудитории очень нишевые. Как раз поэтому даже у самых топовых политтехнологов аудитории несопоставимые с блогерами из комитета. Там у людей миллионы, а тут даже у топовых политтехнологов или каналов в лучшем случае несколько сот тысяч.

СУ. Тут, наверное, надо говорить не о блогерах-политтехнологгах, а о политических блогерах. Это очень важно. Есть же профдеформация политолога, то есть толмача. У которого работа — постоянно что-то объяснять. И для него соцсеть — это еще одна среда, где он занимается тем, чем и так привык заниматься на круглых столах, на всяких мероприятиях. Это, кстати, проявилось еще в эпоху ЖЖ. Когда я лично стал читать Чадаева в ЖЖ. Начало 2000-х, 2003-2004 год. А до этого — форумы.

Эти профессиональные интерпретаторы политические давно в этой среде живут. Просто раньше аудитории были другими. Раньше речь шла о сотнях людей в твоём профессиональном сообществе. Важно было, *кто* тебя читает, а не *сколько* тебя читает.

АЧ. И сейчас так.

СУ. Да, и по сей день. Для политического комментатора и интерпретатора важно, *кто* его читает, а не *сколько* читает. Важно попасть сигналом в конкретную целевую аудиторию. А вот для блогера-купца, скомороха, и в меньшей степени для воспитателя и просветителя, важно качество аудитории, то есть, отклик. Как восприняла аудитория тебя.

Я могу поделиться своей моделью, по поводу — любят, не любят слушать. У меня есть блогинг открытый, который выходит в свет, а есть закрытый, в виде клубного. У меня есть такой клуб

«На эмоциях, но по понятиям».

АЧ. НЭП.

СУ. НЭП, сокращенно. Вот там мне, наоборот, важно послушать. Мне важно, чтобы те, кто смотрят, читают, наблюдают, [высказывались]. Там я очень мало говорю, я больше слушаю.

Это две части [блогерской деятельности]. Тот, кто по-настоящему занимается околополитической деятельностью, не может без обратной связи. Как без социологии можно любую компанию вести? А вот если ты коммерсант, и особенно продаешь эмоции, тебе по большому счету [неважно]. Твоя обратная связь — это капитализация. Сколько купили, какие продажи, какой отклик. Поэтому у политического блогинга очень слабо с рекламой. Во-первых, и не приходят особо покупатели. А с другой стороны.

АЧ. Ну почему, нативку покупают у них.

СУ. Сложнее, намного сложнее.

АЧ. Вот ко мне регулярно стучатся, типа — а можно в канале разместить за деньги что-нибудь? Несмотря на то, что я как объявил еще в ЖЖ-эпоху, что у меня канал не продается никаким способом, так по сей день эту марку и держу.

ММ. Еще важное отличие, которое мы используем. Мы для простоты сейчас говорим «блогеры», но вообще в работе используем термин «инфлюенсеры». И различаем очень сильно. Блогеры — де-юре... Мы знаем, что в Роскомнадзор подают уведомления те, у кого число подписчиков становится более 10 тысяч. Это уже блогеры. Инфлюенсеры — это люди, чье мнение важно, на чем мнение ориентируется. И мы работаем в основном с инфлюенсерами.

Нас в меньшей степени интересуют те, на которых просто от нефиг делать смотрят люди.

СУ. А как вы это различаете?

ММ. Это всегда видно по контенту. Есть участники некоторых скандальных реалити, у которых очень много подписчиков, в миллионах измеряется. Но мы их не берем, потому что на их мнение реально люди не ориентируются. Но это, как вы сказали, скоморохи. Есть те, кто на веселом контенте продвигается, но видно, что этот автор авторитетен для аудитории, даже если у него шуточный контент. А есть те, за которыми смотрят, поджидая скандала. Они все время что-то отчебучивают, и люди за ними наблюдают, в огромном количестве. Но если они призовут включиться в тот или иной социальный проект — это будет дико странно, как хрена из борща обращение, и люди за ним не пойдут, подписчики. А у инфлюенсеров может быть меньше аудитория, но зато вовлеченная, которая верит и откликается на разные предложения.

АЧ. В общем, это довольно волюнтаристский критерий.

СУ. Да, получается так.

АЧ. Кого ты считаешь достаточно влиятельным, чтобы числиться не просто блогером, а прям инфлюенсером. Поэтому здесь, конечно, царство вкусовщины. И это правильно, на самом деле. Потому что строгие математические критерии здесь вообще, по-моему, не прикрутишь.

СУ. Это как союз писателей, например. Кто-то в союзе писателей, а кто-то за пределами.

АЧ. Там было так. Писатели — это те, кого другие писатели считают писателем.

ММ. У нас в основном так тоже есть. Те, кто вошел в узкий круг, и они тоже могут сказать, например: вот с этим мы не хотим работать. И мы посмотрели — их аргументы убедительны, мы не пригласим.

СУ. Это как в партию принимали в советские времена. Рекомендация от трех членов партии и испытательный срок, и только тогда ты кандидатом становишься.

ИК. Справедливо. Хотя, мне кажется, несколько опасно считать, что скоморох в любой момент не может стать со своей аудиторией... Орудием в чьих-либо руках.

АЧ. Владимир Саныч Зеленский со своего корабля машет.

ММ. Это возможно, но для нас представляют интерес системные люди. То, что кто-то, как Алексей сегодня упомянул, может неожиданно произнести, это попадет в нерв и наберет миллионы просмотров — да. Но это как черный лебедь, непрогнозируемые истории. А дальше потом все равно происходит откат, мы это наблюдаем. Нас интересуют люди, которые системно работают, системно взаимодействуют со своими подписчиками.

АЧ. У которых есть не только внимание, но и доверие их аудитории.

СУ. Через обратную связь.

АЧ. Через это, конечно, и получается влияние. Здесь как раз очень интересная тема влияния. То, с чего я начал, действительно есть огромные группы населения, людей, которые никому по большому счету не верят, кроме небольшого количества влияющих блогеров, на которых они подписаны и за кем регулярно следят.

Мне эта ситуация остро напоминает в «Гадких лебедях» — мокрецы, у Стругацких. Где есть какие-то взрослые, которые живут своей жизнью, а есть какие-то странные люди, которые рассказывают детям, какие книжки читать. И дети внезапно вырастают совершенно другими, чем те, как ожидали взрослые.

ММ. Дело в том, что в книге взрослые даже как будто бы были не в курсе, что их детьми занимаются в это время мокрецы. Они игнорировали. Ладно, когда они бы знали — а нашими эти занимаются, как-то волновались бы, они вообще были не в курсе. Но сейчас, с одной стороны, как будто родители должны быть в курсе, что ребенок смотрит блогеров. А я знаю, что дети смотрят блогеров.

Есть соцсеть Likee, которая будто бы считается, что ее нет. Очень многие не в курсе, что она вообще существует. Но при этом как раз дети сидят там. Они уже не сидят в запрещенных соцсетях.

СУ. Она умопомрачающая.

ИК. До определенного возраста. Лет после 12-13...

ММ. Когда формируется их картина мира.

ИК. Да. Чуть позже.

СУ. Likee — это умопомрачение, по типу ТикТока. Там такое количество сводящих с ума, повторяющихся роликов.

ММ. Еще раз повторюсь, в случае с мокрецами взрослые, насколько я помню, не знали, что так активно идет работа. В случае с соцсетями, в целом, что дети сидят, эти часы что-то делают в интернете — равно в соцсетях — вроде бы в курсе. Но мало кто переживает. Переживают в основном в целом, что — нет, чтобы играть с мячом во дворе, сидит в интернете, а про то, что в данный момент тот или иной блогер что-то закладывает, вообще мало кто в курсе.

Правильный вопрос, кого они там смотрят. А дальше вопрос — а что они там смотрят. А третий — что в данный момент блогер им залечивает.

ИК. Так это не отследить.

СУ. Отследить, мы с Тиньковым это обсуждали на примере подростков наших. Не запрещать надо соцсети. Это уже радикальный способ. Это может и сам родитель — вообще закрыть доступ.

АЧ. Хотя — радикально не радикально, а все больше стран вводит ограничения.

СУ. Я имею в виду — пресекающе, радикально. А есть менее радикальный способ, который налагает ответственность на родителя. Это чтобы лог всего, что смотрит ребенок, отражался у родителя. Ты смотришь, но родитель потом видит.

ММ. 100% — он ничего не будет смотреть, ничего перепроверять не будет.

СУ. А это уже вопрос воспитания родителей. Это очень важная история. С моей точки зрения, блогеры в XXI веке заменили того, кем были в XIX и XX веке писатели и поэты. Я еще помню, когда ты под подушку спрятался от всех и читаешь ночью, хотя тебе запретили книгу. Правильно, блогеры формируют мировоззренческую картину. То, чем раньше занимались писатели и поэты.

ИК. Семен, ты своим авторитетом родителя никогда не переубедишь ребенка смотреть либо не смотреть кого-либо.

СУ. Не в авторитете родителя дело переубеждать. А понимать, что читает, какие книги читает. Потом и вмешиваться. Тогда уже можно запрещать, блокировать конкретно.

ИК. И будет обратный эффект.

СУ. В смысле — обратный эффект? Запрещали же. Поймали в детстве с запрещенной литературой для взрослых. Все, отобрали. А как по-другому?

ММ. Я, честно говоря, не вижу [способа]. Зная, как, например, устроено Likee. И насколько много разных роликов от разных контент-мейкеров поступают в одну минуту... Я наблюдала этот процесс. Типа я освобождаю 3 часа, сяду посмотрю подробно все, что скроллил мой ребенок вчера. Может я такой пофигист, и другие родители были бы более ответственны. Я бы не села и не отсматривала три часа, что она успела посмотреть, чтобы выявить, где угроза. Видеть, где угроза — это значит все сплошняком отсмотреть.

Как я вижу решение. Почему нужен этический кодекс блогера. Потому что те, кто его подписал и дальше соблюдает — соблюдать или нет, как раз можно отсмотреть — это та когорта инфлюенсеров, которым плюс-минус можно доверять. Риск, что они что-то отчебучат и начнут что-то ужасное рассказывать, минимален. Я бы делала фильтр по подборкам. Да, ты можешь смотреть блогеров, дофига их, но отобраны только те, кто точно не враг нашим людям, кто точно никуда их не вербует. Это развлекательные [каналы], но ответственные люди, и

такие есть.

Когда я знаю, что дочь смотрит блогера, с которым работаем — там взрослые блогеры тоже есть — я спокойна, потому что знаю, что наши фигню не скажут какую-то ужасную.

СУ. Это как бы сертифицированные блогеры, со знаком качества.

ММ. Со знаком качества, да. Они никак не теряют в интересности. Просто они втайне не подначивают.

СУ. А как можно родителям... Давайте представим. Времени мало. Что смотрит, не очень понятно. Ладно, хорошо, вот они сертифицированные. А начал смотреть несертифицированных. Мы должны либо в черный список всех несертифицированных добавлять, либо нам нужен какой-то внешний орган с участием педагогов, медийщиков, которые способны провести экспертизу.

Конечно, родитель не разберется. Во-первых, и времени нет, и он не поймет все хитрости. Но ты куда-то этот лог выгрузил, тем более, сейчас инструменты ИИ позволяют, по ключевому слову.

АЧ. Снял я языка. ИИ-няня, которая ИИ-цензор.

СУ. И если ты засомневался... Это в чем проявляется? Не в самом просмотре роликов. Это проявляется потом в поведении ребенка. Он становится нервным. Он начинает какие-то скрывать, явно что-то задумывает. Что-то не то. Родители же тогда начинают переживать, когда что-то меняется в поведении.

В чем, я считаю, опасность Likee и ему подобных моделей. Это уже доказано. Есть прекрасная книга «Тревожное поколение», что само долгое потребление такого короткого контента одевилывает и затормаживает восприятие. Это к чему приводит? Те, кто перепитал своё мышление короткими роликами, потом не способны смотреть фильмы длинные. Не могут на полтора часа себя зафиксировать и сконцентрировать внимание. Не говоря про советские фильмы.

Это уже доказано нашими исследователями. У Хагурова много по этому поводу статей и докладов. Что — все, они когда включают советский фильм, для них это медленно, это скучно, они не улавливают сюжетную линию. И что это требует отдельного обучения. Не говоря про чтение. Насмотришься роликов, даже сам, обратите внимание, ты потом сосредоточиться на тексте не можешь, длиннее, чем 3-4 экрана.

ММ. Давайте зафиксируем, что в целом я не очень люблю стратегию «если что-то не получается, давайте это запретим». Лучше какой-то инструментарий разобрать. Я дала версию, что там могут быть какие-то списки, в которых можно поставить галочки у более доверенных блогеров или еще что-то. Еще есть инструменты, если посидеть, поштурмить.

Но я при этом вспоминаю, когда появились приставки, как меня гоняли и родители, и бабушка, что эти приставки меня одевилывают, что я слепну от этих приставок. «Посажу кинескоп», — это понятно. И это всегда было тайное. Только родитель ушел в магазин, ты сразу достаешь приставку, сидишь там.

СУ. Какие? Это еще 8-битные или 16-битные?

ММ. Были Sega, где Mario, из этой линейки. Но это самые первые, которые у нас в Абакане

появились в принципе. Может, у вас, у модных москвичей что-то еще было?

ИК. Нет, все то же самое было.

СУ. У меня вообще был Spectrum, который мне батя спаял. Было четкое правило. Час попрограммировал на бейсике — час поиграешь, чтобы все было по-честному.

ИК. Мне кажется, вообще надо эти две проблемы разделить, потому что клиповое потребление контента — это одна проблема, ее можно в отдельной плоскости обсуждать. А блогеры, которые этот контент создают — это совершенно другая история. И здесь вопрос — как их контролировать? Ужасное слово скажу, «контролировать». Возможно ли это вообще?

АЧ. А вот видишь, ты говоришь «контролировать». А я сразу здесь в этом месте...

ИК. Я подчеркнул, слово неудачное.

АЧ. Как раз идея, чем Мария занимается... То, что контролирует — это действительно логика контроля.

У нас есть две сферы контроля. Это рыба и молодежь. Поэтому есть комитет по рыбе и комитет по молодежи. Если снимают за коррупцию начальника по рыбе — значит, скоро снимут за то же самое начальника по молодежи. Если принимают закон о рыбе — значит, примут закон о молодежи. Одинаковые очень у нас в государстве. Я давно это заметил. Кстати, в ЖЖ про это писал когда-то. Когда в очередной раз посадили очередного начальника по рыбе — о, скоро в Госком по молодежи кого-нибудь снимут. Так до сих пор. Потому что обе эти сферы есть сферы контроля. Что рыба, что молодежь. Оно где-то плавает, своего собственного голоса не имеет, косяками где-то шарится, и главное это правильным образом контролировать.

То, чем занимается Мария, это совершенно другой подход. Не контролировать этих людей, исходя из того, что они как рыба и молодежь, где-то там шарятся по неизвестным акваториям, а наоборот, вовлекать. Если они такие важные люди, если у них такие большие аудитории, давайте тогда тащить их поближе к тем местам, где принимаются решения, где вырабатываются правила, чтобы они в этом участвовали, чтобы они тоже проникались своей ответственностью, раз она по факту на них уже свалилась.

Ведь тут в чем прикол? Это люди, которые еще вчера были никем. И вдруг на них свалились миллионные аудитории, а нередко и миллионные доходы. В принципе, от такого стремительного левел-апа, конечно, сносит крышу. Это такой же вызов, в том числе и психический, психологический, который далеко не все выдерживают. Мы видели несколько модных блогеров, которые прямо из блогосферы отправились в места не столь отдаленные. По разным причинам. Кто-то родину не любит, кто-то.

ИК. У кого фляга засвистела.

АЧ. Да, у кого фляга засвистела, кто-то в деньгах был неаккуратен. Не обязательно украл, просто неаккуратен, не справился с этими потоками.

Поэтому тут

подход состоит в том, чтобы перейти от логики контроля и надзора — надзирать и наказывать — к логике вовлечения.

Типа, раз вы такие стали важные редиски, давайте мы тогда с вами вместе подумаем, как нам обустроить Россию.

СУ. Я так понимаю, в этом и цель, привнести воспитательную функцию. Когда вы аудитории не просто наяриваете то, что вам интересно, а то, что может быть общественно полезно. Я в этом вижу ту же идею союзов писателей, союзов архитекторов. Когда она появилась в 20-е и 30-е годы, это для этого и было создано. Если вы это делаете все равно, давайте мы как-то будем вместе. Не зря поэтому и товарищ Сталин так много...

ИК. Это в идеале. Но хотя бы не навредить.

СУ. Воспитательная функция вообще присутствует везде. Вообще блогер — это кто? Особенно что касается детей. Дети же все время повторяют за кем-то. Я очень много об этом сам размышлял. У меня отец и учитель в деле блогерства — Дмитрий Юрьевич Пучков. Он постоянно рассказывает историю, что достаточно много обратной связи от [матерей]. Он же с 2000 года, даже раньше, с 1998, еще на сайте начинал фактически, у него много было текстов изначально. А ролики-то у него когда появились.

АЧ. Но прогремели, конечно, его переводы фильмов.

СУ. Да, переводы, а это конец 90-х. И ему [приходило] очень много писем от матерей, уже взрослых женщин, которые говорят: спасибо, вы помогли мне воспитать сына. Особенно очень много от матерей-одиночек. Это конец 90-х — нулевых. Именно такая обратная связь. А потом уже от повзрослевших людей. 20 лет. Я знаю массу людей.

У нас знакомый — тот же товарищ Грубник, тоже из подписчиков Пучкова, еще из начала нулевых, откуда они знакомы. Я массу других людей знаю, которые относились к этому так, что они росли вместе с [его роликами]. И что говорит Дмитрий Юрьевич Пучков?

Людям нужна сериальность. Даже вопросы просвещения.

Его формула:

наша задача — воткнуть факел просвещения в немытую задницу невежества.

Это его формула, которую он транслирует.

Чем он занимается, обратим внимание. У него, с одной стороны, это школа. Там люди учатся. Он читает «Незнайку на Луне». Если посмотреть, сколько всего он сделал за эти 20 лет: разборы фильмов, чего только не было. А с другой стороны, это у него еще и академия. Он готовит. Мы шутим — «птенцы гнезда Пучкова». Егор Яковлев, Клим Жуков, масса другого народа. Воспитанники, которые прошли сначала у него школу обучения, а дальше вышли со своими.

И самое интересное, Алексей не даст соврать, в том же Тупичке, это закулисье Тупичка. Когда можно пообщаться за пределами. Вот это пример частной школы, с одной стороны, а с другой стороны — академии. Воспитание воспитателя — это важнейшая функция. Мы подошли сейчас к тому, как вовлекать. Как [развить] эту функцию? Для меня это вопрос, на который я не вижу пока ответа. И предлагаю его [обсудить], тем более вы со Стругацких зашли.

Как говорил Высоцкий, «чему нас учит семья и школа?» Мы же помним, что процесс воспитания проходит в государственно-общественных институтах, школах, и в семье. Журнал не зря так назывался «Семья и школа». Как воспитывать воспитателей — это самый главный вопрос.

АЧ. А еще во дворе.

СУ. Во дворе, согласен. Переходящее из семьи — в общественное, в школу.

АЧ. Между семьей и школой.

СУ. Да, между семьей и школой. А сейчас цифровой двор. И, я этот термин употребляю, беспризорничество.

Надо зафиксировать факт — у нас большое количество беспризорников.

Кто занимался ликвидацией беспризорников?

ММ. Макаренко.

ИК. Товарищ Дзержинский.

СУ. С одной стороны Макаренко, а с другой стороны Дзержинский. Функция была воспитательная сразу у двух органов. И у ЧК, и у Наркомпроса. Мы теперь стоим перед такими же плюс-минус вопросами.

ММ. У нас комитет похож на коммуну Макаренко больше.

АЧ. Чем на ЧК.

СУ. Хотя — комитет!

ММ. Как бы нам это ни льстило. Во-первых, подход у нас индивидуальный к каждому, с учетом особенностей каждого. Бывают, конечно, тоже факторы непонимания и так далее, но в целом... С одной стороны, Макаренко говорил *словами* какие-то вещи, но основное то, что они еще и трудились.

СУ. Совместная деятельность, конечно.

ММ. Да-да-да. Это важный момент, и он у нас тоже есть. У нас деятельность — это социальная деятельность. Абсолютно все инфлюенсеры, с которыми мы взаимодействуем, вовлечены в социальные проекты. Каждый из них реализует социальный проект.

У нас есть проект «Соло мама». В чем заключается? Это встреча из роддома одинокой мамы, которую некому встретить. Это делают наши инфлюенсеры. Они приезжают к роддому, на машине, на такси, с букетом, с набором и встречаются. Сами создают праздник. Например, это. Недавно также, например, более 20 инфлюенсеров съездили в приют для животных. Выгуливали там собак, привезли огромное количество корма и так далее. Такие зоосубботники мы часто проводим. И другие направления.

АЧ. По инвалидам тема тоже отдельная.

ММ. У нас есть отдельный комитет по инклюзии. Там, где мы поднимаем вопросы, как действительно встроить людей с ограниченными возможностями в социум. Мы сейчас близко общаемся с Рустамом Набиевым. Может быть, вы про него слышали. Это тот человек, который впервые в мире без ног покорил Эверест.

Он является председателем нашего комитета по инклюзии. Он мне задал такой вопрос: «Когда последний раз ты видела на улице человека в инвалидной коляске?» Я действительно давно не видела. И на это он мне сказал, что потому что они технически не могут выйти из дома, многие. Дальше мы стали раскручивать, что можно сделать.

АЧ. Программа «Доступная среда».

ММ. Да, инициаторами тоже выступают именно инфлюенсеры. Если бы не Набиев, возможно мы бы комитет не создали. Абсолютно с его подачи. А дальше подключились блогеры, у которых есть дети в коляске. Они говорят: то, что сложно для инвалида, то же самое сложно и для мам с колясками. Это пересекающаяся проблема. Они тоже взяли коляски, ходили и фиксировали, где невозможно [перемещаться].

ИК. Такие проекты важны, у нас же сейчас очень много СВОшников, которые возвращаются с фронта. Эти примеры нужно и можно масштабировать.

СУ. [С Андреем у нас была хорошая беседа.](#)

ИК. Еще один момент. Блогеры — люди достаточно независимые. Алексей говорил про вовлекающую стратегию. Как их вовлекать-то? 300 человек – да, это много. Но всегда найдется тот, кто скажет: ну нет, я вольный стрелок, привет.

АЧ. А зачем всех вовлекать?

ММ. Смотрите, мы вовлекли 300. С одной стороны, это много, а с другой стороны, если посмотреть количество инфлюенсеров — давайте от 200 тысяч, потому что маленьких мы пока не можем, в таком объеме...

АЧ. Вот сейчас обидно было.

СУ. Да.

ИК. Какие тогда ценности должен транслировать современный российский блогер?

АЧ. А он должен транслировать ценности? Мне кажется, это больше рамка.

ИК. Семен говорит про воспитательную функцию постоянно.

СУ. В воспитании есть еще [Коменским сформулированные принципы](#). Это превращение во взрослую личность, в чем смысл воспитания. Термин Пучкова «[малолетние дебилы](#)». Он постоянно объясняет, что дело не в возрасте. В 30 лет можно быть малолетним дебилем.

Воспитание — это бесконечный процесс.

Вопрос – самовоспитанием мало кто способен заниматься. Как самокритика, то, что ты про поездку в Корею рассказывал. Это очень сложно, себя бичевать. А тут есть человек, который зеркало, как Лев Толстой — зеркало русской революции. Не зря Лев Толстой писал детские

рассказы, уже будучи зрелым писателем. Это фактически был блогинг. Вот у него романы для просвещенной части, а вот, пожалуйста, копеечные книжки на самой дешевой бумаге. И все они были как раз воспитательные. Вспомните рассказы Толстого, которые мы все читали.

ММ. Здесь

нужно уметь взаимодействовать со свободолобивыми людьми.

СУ. Если ты форму не попробуешь, у тебя не получится. Напомню, что Высоцкий 4 года потратил на то, что стало потом пластинкой «Алиса в стране чудес». Слушали ее? Это интереснейшая работа. 4 года! И он считал это одной из своих важнейших работ. Рано или поздно у любого творческого человека, я в этом не сомневаюсь, становится вопрос передачи своего понимания. В этом смысле блогер — творческий человек.

Не зря всегда у мастеров появляются ученики. Если у мастера нет ученика, никакой он не мастер. Тогда он просто коммерсант. Купец. Тогда — да, понятно, у него монетизация. А люди с таким позывом, о которых говорит Мария. Это естественный позыв — ученики. Их надо получать. А как по-другому?

ИК. Еще один интересный момент. Мы видим, как депутаты идут в ТикТок, а блогеры, наоборот, идут в депутаты. Обратный процесс. Могут ли блогеры в нашей стране заменить политические партии в регионах, например? Ну а что? Через блогера как раз-таки — инструмент влияния и тому подобное, блогократия. И хорошо ли это?

ММ. Когда мы проводим круглые столы тех, которых мы отобрали предварительно, я это открыто пишу у себя в телеграм-канале: для меня вы — новый вид депутата. Давайте разберемся. За вас голосуют люди. Они голосуют временем, они голосуют вниманием, они голосуют даже буквально лайками. Вы им даете быструю обратную связь, или так называемые наказания, похожие примерно по уровню вдохновения и критики, которые получают депутаты.

Вы можете доносить какие-то идеи, и все это работает в обе стороны. Поэтому из метапозиции, на мой взгляд, очень похоже. У людей, которые уже обладают властью, хотя бы в интернете, которые почувствовали на практике эту ответственность, сжились с тем, как в этом находиться, на мой взгляд, даже очень много шансов стать хорошим политиком, хорошим депутатом.

Потому что они ценят обратную связь, разную. Они к ней привыкли. Они не закроются в домик от первых хейтов, которые получают действующие депутаты, те стараются вообще ничего не читать, никаких комментариев нигде, лишь бы не загрустить. Ежедневный контакт с людьми — это очень важно для депутата. Я вижу в этом огромный потенциал.

СУ. Это идеальный депутат.

АЧ. А у блогеров все это есть!

СУ. Я и говорю.

ММ. Давайте посмотрим, какое количество блогеров у нас в стране присутствует. Спойлер: 80% взрослого — в определенном интервале возраста — населения, потому что практически у каждой мамочки хорошенького малыша есть тоже аккаунт, который они ведут. Если мы говорим про соборность — Дума же не структура, в которой собрали самых умных, например,

или самых богатых, или самых красивых. Депутат представляет ту значимую аудиторию, которая ему доверилась.

АЧ. То есть — есть от умных, есть от красивых, есть от богатых. Логично, да. Есть от заслуженных.

ИК. И здесь интересно тогда, как избираться они смогут. Не по партийным спискам, а по количеству подписоты.

СУ. Округа виртуальные будут тогда? Хороший вопрос.

ММ. Пока они могут избираться и в классическом формате. Сейчас у нас нет ни одного депутата, который являлся бы изначально инфлюенсером. Есть депутаты, которые стали депутатами, они: мне нужен аккаунт или телеграм-канал. Но, очевидно, это не блогеры, 100%. А блогера, которого бы избрали как депутата сейчас, нет ни одного.

СУ. Но может быть тогда логично сначала провести выборы внутри «сословия». Чтобы, прежде чем уходить в какие-то органы власти государственной, ну не власти, представительные институты, чтобы внутри себя самоорганизовались и выбрали — есть хороший термин дореволюционный. У нас сейчас все стали спикеры, мне не нравится. У нас как называлось? Гласный. Помните? Гласный городской думы. В отношении блогеров это очень хорошо подходит. Это именно гласные люди.

А инфлюенсеры — давайте тоже через язык, я люблю эти игры — это громогласные. Правильно? Можно даже придумать — у вас спикеры, депутаты, а мы люди гласные, которые своим голосом, гласом что-то доносят. И собрать палату гласных, где будет самый громогласный. Это же интересно — посмотреть, как ему доверяют представительство.

ИК. Тут все упрется в критерии. Знаешь, есть такие блогеры, что...

СУ. Погоди. Во-первых, есть элемент волюнтаризма, это нормально, «вот мы посмотрим». А самое интересное — посмотреть, как самоопределятся люди. У кого-то нет времени этим заниматься, но он готов всячески соучаствовать. Кого выберут своим — «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Кого-то вожаком выберут. На какие подкомитеты разобьются эти маленькие палатки.

Это на самом деле племя, если языком социологии классической. Это племя, которое образовалось внутри общества. Общество большое, но люди чувствуют, что «мы с тобой одной крови». А племя — известно, что когда разрастается больше сорока человек, ему нужен и старейшина, и вождь, и шаман. Три ключевые функции — самый мудрый, тот, кто вождь, и тот, кто [осуществляет] метафизическую функцию.

Я о чем говорю? Там, где есть 300 человек... Социологи давно [определили], что больше 40 человек — уже нужны функции самоопределения. Административной власти уже недостаточно.

ММ. У нас есть функции самоопределения, потому что далее некоторые выражают готовность и желание создавать и возглавлять комитеты отдельно внутри сообщества по направлениям. Как пример с Рустамом Набиевым, он озвучил проблематику, и мы с ним вместе решили, что будет создан комитет по инклюзии. Таким образом у нас уже можно насчитать до десяти таких комитетов.

АЧ. Видишь, Семен, ответ на твой вопрос. Сообщество сформировалось, а дальше в авторитеты

выбиваются те, кто еще и берет на себя какую-то деятельность.

ММ. Да, далеко не все хотят возиться.

СУ. Это классика самоорганизации, конечно. Я сейчас нащупал, чем бы я с огромным интересом занялся.

Сейчас я предлагаю взглянуть на блогерство через призму культуры и искусства. На самом деле

блогерство — это то, что называется в теории литературы «устное народное творчество».

Там, я напоминаю, есть и фольклор, и элементы танцев, и элементы частушек. Но это *устное* народное творчество.

АЧ. Анекдотов.

СУ. Анекдотов. Их масса.

ИК. «Анекдоты, былины, тосты».

СУ. Устное народное творчество, говоря языком науки.

Но смысл устного народного творчества в том, чтобы с помощью системы воспитания и образования привести человека к освоению письменного творчества.

ММ. Телеграм-каналы.

ИК. Скажешь тоже.

СУ. Да. У меня есть отдельная рубрика «Внеклассовое чтение», где я каждую неделю разбираю достаточно сложные книги. Зиновьева, сейчас последнюю книгу Кара-Мурзы, Киссинджера про ИИ. Люди разучились читать, я прям выдержки беру и где-то что-то разъясняю. Как говорят педагоги: пока объяснял, сам понял. Это факт. Я считаю, что это важнейшая функция, которую люди утрачивают. Мы утрачиваем письменную культуру. Я бы адаптацию — заново учиться читать и писать. Это, я считаю, экстремально важно, тем более

русская культура — это культура текста.

Блогеры — молодцы, что освоили устное народное творчество. Но пора переходить к письменности.

Нам надо с этими новыми формами, особенно технологий, освоить снова [письменность]. Что я имею в виду? Например, учить писать сценарии. Сейчас все играют в ИИшку, но играют в формальную историю. Как мы этот прибабас сделаем, этот прибабас... Но все-таки самое главное — сценарий. А это культура. Еще Чехов говорил в начале XX века, что будущее за

короткими рассказами.

ИК. За рилсами.

СУ. Это и есть на самом деле. А что такое жанр анекдота? Наш прекрасный [записной подкаст с Mash'em](#). Помните? Это и есть. А теперь можно на этот же жанр насадить сверху технологии. Плюс инфлюенсер, влиятельный человек, авторитет это еще и поддержит. Вот так культура чтения может начинать восстанавливаться. Это нормальная история. Можно, например, с детьми учебники осваивать. Например, вы подписчики, свою главу прочитайте... Я с одним подростком в Краснодаре занимаюсь историей древнего мира. Он прогулял, а я купил советский учебник. Помните, наш классический?

АЧ. С Пальмирой

СУ. И мы каждый день по главе проходим. Мы час позанимались, потом час играем в игры. Если популярный человек будет с кем-то заниматься — своя профдеформация — литературой, историей, на это будут смотреть подростки. Они одновременно будут проходить уроки дополнительно, те, что прогуляли. Блогер шутками-прибаутками это еще раскрасит с помощью современных технологий, «Джонни, сделай мне монтаж», из этого можно сделать шикарные короткие ролики. И вот тебе, пожалуйста, курс истории древнего мира, средневековой, русской. Вот тебе и сериал, как нас учит Пучков, обязательно должны быть сериалы.

Я об этом очень много думаю, кустарным способом пытаюсь нечто подобное делать, но, хоть еще не дотягиваю личными ресурсами до необходимого количества подписчиков, я бы с интересом включился в такую деятельность. Как вы думаете, она может быть востребована?

ММ. Во-первых, вы совершенно правы. И мы буквально интуитивно запустили книжный клуб для наших инфлюенсеров. У нас прошло первое занятие, и первую книгу, которую должны читать, это «Страна багровых туч» Стругацких. Книжный клуб проводит Александр Демин, председатель комитета по работе МСП Государственной Думы, малого и среднего предпринимательства. Это раз.

АЧ. Целый председатель комитета Госдумы.

СУ. Сам Боярин Троекуров.

АЧ. Да-да-да. Учит книжки читать блогеров.

ММ. Это к слову про ценность. Это одна из ценностей, почему интересно у нас находится.

Второе. Что показала практика по социальным проектам. Сейчас у нас абсолютно все вовлеченные инфлюенсеры заниматься социальными проектами. Но два года назад такого не было, конечно же. Это то, во что благодаря интересной совместной деятельности, и нашим примером, и так далее, вовлечены сейчас все. Поэтому гипотеза, что и в какие-то другие формы тоже можно вовлечь инфлюенсеров, я думаю, имеет право на жизнь, и это можно сделать.

СУ. Давайте будем читать.

ММ. Вы бы, кстати, с какой книги начали разговор с инфлюенсерами?

СУ. Если говорить про профессиональную литературу, я бы конечно бы с «Запада» Зиновьева начал, потому что мы до такой степени западнизировались, как русская культура. А учитывая,

что глубже, чем Зиновьев, процессы западнизации никто не разобрал, я бы наверное с этого начал.

АЧ. А если из фикшна?

СУ. Из фикшна? Я фанат Азимова, «Основание». Мне кажется, это база базовая. А из отечественного, наверное, что-то надо из Беляева, который очень легко писал. Может быть, «Головы профессора Доуэля», например. Это очень легкая. Или, например, «Ариэль» Беляева, прекрасная книга про индийского мальчика.

АЧ. «Голову профессора Доуэля» надо, мне кажется, переписать в контексте ИИ.

СУ. В принципе, да, рабочая схема.

ИК. Кстати, по поводу нейронки, искусственного интеллекта и блогерского бессмертия. Что происходит с блогером после его смерти? В Китае уже есть практики, есть цифровые аватары, умершие звезды продолжают выходить в эфир, нейросеть за них продолжает генерить посты и так далее.

ММ. У нас Жириновский так.

ИК. Да-да-да. Он не очень вроде сильно.

СУ. Вроде закрыли этот проект? Было сообщение.

АЧ. После смерти — ладно. Я при жизни тут как-то задумался. При собственной. Есть физическая тушка, в данный момент сидящая в этом кресле. Но я в очень малой степени она. Потому что большая часть «я» — это разные мои цифровые следы, оставленные за больше чем 30 лет активной сетевой жизни в самых разных местах электрического интернета.

И, откровенно говоря, если эта тушка будет отправлена на мыло завтра, я так еще довольно долго буду существовать.

ИК. Тебя еще комментировать долго будут.

АЧ. Комментировать еще долго, да. А если нейросетку научить, то можно вообще без конца. Я вот нейро-Ленина себе сделал учебного, на базе его работ. Но это все-таки бумажные работы. А — через шаг — еще все проще. Ну, надоел этот организм, скачал себя на флешку, воткнул в сеть, тушку сдал на комбикорм. Потом захотелось опять стать физической личностью, выбрал какое-нибудь другое, загрузил туда флешку и опять кукуешь. Нормально?

СУ. Биотехнологическая цивилизация. Об этом много в фантастике рассказано. Это, кстати, важный вопрос. Почему мы все наши беседы и «Чистоту понимания», и предыдущие, и другие мои стримы, обязательно расшифровываем и складываем в отдельную библиотеку. Ты же тоже публикуешь расшифровки. Именно для того, чтобы знание сохранялось. Все-таки знание сохраняется в тексте.

С чего началась наша цивилизация? Сначала было слово, а потом библиотека, когда это слово систематизировалось. С этого началась наша культура. Мы человечеством стали [начиная] с этого, правильно? [Хорошая беседа была с Усковой](#), твоя шикарная финалка. Что книга — это и есть искусственный интеллект.

По-хорошему, каждый инфлюенсер, когда производит что-то не скоморошеское и не

купеческое, он сам бы должен это все превратить в текст и как-то каталогизировать. Это все-таки наследство культурное, которое принадлежит всем. Разве не так? Может быть, надо им еще такую функцию вменить?

ММ. Они нам за это спасибо не скажут. Я все-таки хотела бы их интересы в большей степени отстаивать. Во-первых, сейчас так делают у видеоконтента, субтитрами переводят в текст все, что говорится, плюс к видеоконтенту добавляют буквальную расшифровку, в виде текстового поста. Мне кажется, сейчас это автоматически уже так и происходит, текст дублирует визуал.

СУ. Что я имею в виду? Вот вы говорите, у вас куча социальных проектов. Разные люди их ведут. А когда они их ведут, отрабатываются определенные, говоря нашим языком продеформированным, кейсы, примеры, алгоритмы, какие-то удачные решения. Когда это даже сохранено в отдельной истории — это одно, а когда каталогизировано... Например, успешные истории с бродячими собаками — эта же деятельность надолго? Через какое-то время их будет много. Успешные примеры, казусы с беспризорниками, с цифровыми — вот тоже десяток, каталог человек открыл [и видит].

Задача — воспитать воспитателя, научить учителя. Потому что сейчас такие инфлюенсеры, через 5 лет будут другие. А зачем выдумывать велосипед? Вот тебе готовые технологии. Это то, что называется в педагогике методика обучения, методика преподавания. Когда учат самим методом тому, как надо учить. Это отдельный на четвертом курсе [раздел]. Тебя учат именно методике обучения. Причем для младших классов одна методика, для старших другая методика, для вузов третья методика.

ИК. Потом практику проходишь.

СУ. А потом практику обязательно проходим.

ММ. В соцсетях очень быстро устаревает. То, что мы ставили как референсы хороших инициатив, анонс социальных проектов, очень быстро, даже через два месяца уже не актуально. И алгоритмы по-другому реагируют, и какие-то внутренние шутки или еще что-то меняется, и уже неактуальным становятся. Мы поэтому все время креативы переписываем. Вот сегодняшний день.

ИК. А вообще наши блогеры, они особенные какие-то? На Западе, в западной среде, это все-таки личный бренд и какой-то коммерческий проект, бизнес и так далее.

ММ. Да. Я считаю, что у нас инфлюенсеры настолько же уникальные, насколько уникальна наша классическая литература. В них совмещается 100% Достоевский, классические метания. Если мы прочитаем «великое пятикнижие» Достоевского, это чисто переживания наших инфлюенсеров. Я почему сказала именно не «Преступление и наказание», а именно «великое пятикнижие», потому что есть более глубокие, на мой взгляд, книги. Тот же самый «Подросток».

СУ. Самая недооцененная.

ММ. Самая недооцененная. Но это чисто молодые инфлюенсеры. их метания. У многих из них такая же ситуация, что у них какой-то крутой отец — по их ощущениям крутой, это субъективно всегда — крутые родители, которым он обязан что-то доказывать через соцсети. У очень многих эта история, не все это рефлексируют, но мне это видно. Они показывают демонстративный тип поведения, потому что через соцсети родители могут его увидеть. Он что-то сделал — «я же хороший. Посмотри, я же молодец. Вот сколько людей меня хвалит.

Посмотрите, меня же хвалят».

Очень много Достоевского внутри. Мне даже кажется, что

абсолютно, полностью психологически счастливый человек, здоровый и счастливый, как не может быть писателем, так не может быть сильным инфлюенсером.

Я здесь начала с писателя, это не оскорбление, наоборот, это многослойность человека, вся гамма чувств и нерв обязательно в этом присутствует.

Я наблюдаю, когда благополучные люди говорят так: сейчас я занесу денег — знаю много таких случаев — мне нужно, чтобы я стал блогером. Они отгружают огромные суммы денег на свой пиар, на раскрутку своих аккаунтов, и это всегда провал. Всегда провал, какие бы миллионы ни были вложены. Ровно потому, что

если в тебе нет этого нерва, даже немного животной суггестии, харизмы на грани, то ты плоский как журнал красоты.

ИК. Особенно в России.

ММ. Журнал красоты против нашей классической литературы. Поэтому мне так интересно действительно работать и дружить с ребятами. Всегда какая-то большая история стоит за этим успехом.

Абы какого человека поставь, он может говорить то же самое, но не срезонирует с миллионной аудиторией. Это более глубокие, более интересные люди, чем это принято считать. И когда пишут: «да пошли бы они лучше на завод, ничего не делают, просто веселятся», у меня всегда простое [возражение]: а вы попробуйте набрать подписчиков.

Я пробовала, у меня не получается. [Были] мои периоды «с понедельника я тоже буду блогером», ничего не получается, потому что у меня другая органика, и я широкой аудитории неинтересна. А они другие.

Быть интересным широкой аудитории — это огромный труд.

СУ. Эта черта, почему она роднит с писателем и поэтом, это черта неугомонности.

ИК. Что ты имеешь в виду?

СУ. Ты не можешь промолчать. «Не могу молчать». Ты мог бы закрыть рот, а где-то заткнуться, но ты не можешь. «Аж кушать не могу». Эта внутренняя неугомонность, это в культуре зафиксировано уже давным-давно.

От хорошей жизни люди и писателями не становятся.

Одна судьба Бальзака чего стоит. Он мечтал написать вообще человеческую трагедию. Это

известный факт, что он сидел, работал днями, ночами напролет, потом выходил и как-то перезагружался.

ИК. Настоящий художник должен быть голодным.

СУ. Даже не в голодности дело. Лев Толстой был вполне себе сытый. Но он был неугомонный. И всем вокруг еще задавал, бедные его родные и близкие.

ИК. Алексей, а ты что хотел сказать?

АЧ. Да блин, на словах «не могу молчать» мне плохо стало.

СУ. Почему?

АЧ. Да потому что.

СУ. Не можешь молчать?

АЧ. Я так себе блогер, но, блин, вечная моя карма — сижу, молчу, себя сдерживаю всеми силами, потом — не могу, напишу что-нибудь, потом прилетает по голове отовсюду, опять сижу, молчу. Вот мой творческий цикл в качестве блогера.

СУ. Да, именно так и получается. Это разрывает. В чем особенность русской культуры. И почему у нас писательский труд в себе объединил и философию, и психологию. Это чувство справедливости. Причем как социальной справедливости, так и по отношению к личности, культурной справедливости. Эта особенность культуры не только у нас есть.

Давайте вспомним, наши писатели. Например, борьба с крепостным правом. Это же не [классовый] вопрос был. Они сами могли быть крепостниками. Но ощущение, что кто-то из нашей культуры [крепостной], это просто несправедливо. Тем более, когда в XIX веке выходцы из крестьянского сословия продемонстрировали, что они могут быть и учеными, и кем угодно, потом культ Арины Родионовны, который сделал Пушкин. Все. Они не могли уgomониться, хотя и привилегированные были. Жизнь-то прекрасная была у большинства русских писателей в начале XIX века. Все плюс-минус обеспечены.

ММ. Только если они не проигрывались.

СУ. Толстой показал, что можно и отыгаться впоследствии.

Это было очень хорошо продемонстрировано. Как революция 1905 года встряхнула все сообщество писательское и поэтическое. Потому что это было несправедливо. Надули пузырь суперпатриотизма, проиграли в не самой справедливой войне.

АЧ. А дальше еще кровавое воскресенье.

СУ. И кровавое воскресенье. И никто не мог уgomониться, и дело было не только в том, кто поддерживал большевиков. Там были все. Это чувство несправедливости жило, это ощущение. Они же передают настроение всему остальному обществу. А сейчас блогеры точно так же передают настроение. Мне кажется, это ключевая черта нашей культуры — через которую и надо [работать] с блогерами, за исключением купцов. Даже скоморохи тоже...

АЧ. А что плохого в купцах со скоморохами?

СУ. Мотивация другая у них. Просто денег заработать и все. Скоморохи, я согласен, могут быть тоже про справедливость.

ММ. Мне кажется, и... и. Есть люди, у которых и это, и то. У нас в сообществе есть инфлюенсеры, у которых есть свой бизнес. И они рекламу не ставят внешнюю, они через свои соцсети продают свой товар. Они точно так же участвуют в соцпроектах. Я не могу представить, что в какой-то стране, в Америке даже, сами блогеры, которые, конечно, типа зависят, но не чувствуют, что сильно зависят, пришли бы в парламент и сказали: «Вот есть мы, у нас есть 100 миллионов подписчиков, давайте дружить. Мы готовы какие-то ваши хорошие идеи транслировать бесплатно», — потому что мы никому не платим из инфлюенсеров. Это сложно себе представить.

Мне кажется, те бы только на контракт пошли, совершенно точно, на какой-то большой, еще и х2 из-за того, что это политика. А у нас правда захотели, правда сами пришли, правда остались, у нас практически не уходят блогеры из сообщества, со многими мы 2-3 года вместе работаем.

Меня поэтому так всегда возмущает [отношение общества]. Ладно, допустим, когда люди плохо относятся к блогерам, не зная даже человека, просто в целом, что все они идиоты, всем — на завод и так далее. Но особенно меня возмущает, когда вроде бы уважаемые, умные мыслители, авторы телеграм-каналов, начинают так же повально критиковать блогеров. Особенно это касается красивых девчонок, что если красивая девчонка, то сразу эскортница или как-то не так заработала.

СУ. Это эффект бабок.

ИК. Это даже статистика подтверждает, что требования и претензии к женщинам-блогерам намного выше, чем к мужчинам.

ММ. Странно, что это от мужчин звучит. Если бы какая-то женщина-админ сказала: фу, почему у нее такие волосы, почему так она оделась, но когда это мужчина...

СУ. Это тоже Пучков давно объяснил.

В цифровом мире нельзя получить по морде.

Раньше, вспомните, сколько было в высшем свете [поединков]. Пушкин из-за чего погиб? Ровно из-за того, что вы описали. Я столкнулся с этой историей, когда пытался помирить двух политических блогерш и получил хейт, Алексей помнит эту прекрасную историю. Мне прилетело с двух сторон. Хотя я искренне попросил — это была политическая история — девочки, давайте после победы мы либо на Одесском привозе, либо в Киеве на Бессарабке выясним, кто круче. И прилетело с двух сторон. Просто вопрос был политический. В жизни бы я, конечно же, не полез.

Здесь точно та же история. Есть мужчины-сплетники со злым языком. Это кликушество. Об этом вся русская литература. Большинство дуэлей и вообще выяснений отношений было как раз чаще всего из-за чести. А в цифровом мире ты оплеуху не дашь. Женщина не может даже пощечины дать в цифровом мире. В таком-то — вцепилась бы один раз, или пришел бы муж и накоматылял, а тут ничего не сделаешь.

Эта безответственность, к сожалению, превращает мужиков в некий средний пол. В цифровом мире...

АЧ. Рабочая пчела.

СУ. Непонятно. То ли мужик, то ли... Эти черты безответственности и сплетничества, которые есть, это не половой признак, к сожалению...

ИК. Кстати, как на наших блогерах сказался феномен отмены? После начала СВО все же поотключали везде, где можно, и заработки позапрещали, и так далее. Что-то поменялось?

ММ. Зарботки упали. В этом смысле сложная ситуация, конечно же.

ИК. Я тут даже не столько про деньги, сколько, может быть, про какую-то партизанщину.

СУ. Нет, это именно про деньги. Потому что производство контента — это вполне себе производство.

АЧ. Индустрия, да.

СУ. И оно требует затрат. И упало процентов на 400, а не на 100. Вот так я бы сказал.

ММ. Ну да, 100% упало, а размер, на который это упало, конечно, выше. Так и есть.

ИК. А самосознание? Ничего не поменялось? Не повлияло то, что нас теперь, нашу культуру отрезали от всего мира?

ММ. Это, конечно, присутствует. Дальше блогеры делятся на разные категории. Кто-то уезжает, например, «моё фи такой стране». Кто-то проваливается в аддикции, те или иные. Такое тоже мы наблюдаем.

АЧ. Модное слово для доброго русского понятия «запой».

ММ. Разного вида.

А есть те, кто понимает, что обстоятельства все время меняются, и ты либо адаптируешься, вариантов других нет. Поэтому те, с которыми мы работаем, инфлюенсеры, конечно, на более конструктивной позиции находятся. Мы, конечно же, вместе проектируем, думаем над тем, как можно им помочь с нашей стороны.

У нас есть идея, я не случайно сказала про то, что могут быть какие-то списки, так называемые белые списки блогеров, доступ к которым, например, открывается, а к остальным — только после модерации какой-нибудь. Например, таким образом. У нас в формате идей — согласовать, что у какого-то этичного и полезного для страны списка блогеров могут быть рекламные контракты от корпораций, к примеру.

СУ. Монетизация x5, например. Чтобы она позволяла закрывать расходы.

ИК. Да, кстати.

СУ. Я почему перестал снимать видеоролики наши на «Маячке». Когда мы делали своими силами — это одна история. Но когда их вырастает уже много, хотя бы каждый день чтобы что-то происходило — это уже затраты. Своими силами ты не раскидаешь все — снимать, и монтировать, и размещать, еще где-то продвигать. Это производство, это индустрия. Модель Ютуба на самом деле — не знаю, можно ли говорить — одной из соцсетей западных, очень...

АЧ. Ничего, что мы в Ютубе вещаем?

СУ. Ну, я не знаю, как это. Мы вещаем... Она была очень правильная, потому что там тех доходов рекламных, которые приходили, когда ты выходил, было достаточно для того, чтобы закрывать как минимум вопросы производства. И тогда это тебе открывало поле для творчества. Тебе хотелось попасть в рекомендованные, чтобы взлетело. Ты не сильно много зарабатывал. В плане заработка это ни разу не бизнес был. Но обеспечить производство этого хватало. Если бы у нас такая стимуляция производства была...

ИК. А вот это, кстати, мегаважный вопрос, который увязывается еще и с моей деятельностью. Алексей, Мария, объясните мне, наше начальство почему на блогеров — не то чтобы пренебрежительно [смотрит], но не смотрит с той точки зрения, что это тот инструмент, с которым нужно работать, что блогеров нужно поддерживать. Причем до такой степени, что сейчас медийное направление, журналистика, медиакоммуникация, тут уже по моему профилю, не в приоритете образовательных направлений.

У нас дизайн в приоритете, медийка не в приоритете. На журналистику, на медиакоммуникации не дают образовательные кредиты. Я уже говорил это. Семен постоянно говорит за этим столом, что мы на информационную войну, на когнитивную войну вообще не явились.

ММ. Начальство наше как раз-таки признает блогеров очень мощными субъектами — и медийными, и в разных смыслах. Поэтому у нас есть комитет, и поэтому мы с ними системно работаем. По нашей-то линии все мы понимаем.

ИК. А государственное начальство наше? Мы сами знаем — у нас есть сфера традиционных СМИ. Наши государственные медиахолдинги и так далее, с государственным участием и тому подобное. Это одно направление. Есть то, что называют новыми медиа — это другое направление. И с тем, и с тем надо работать. Если еще с государственным более-менее понятно, медиакомпаниям даются бюджеты, хорошие бюджеты, система работает, повестка формируется и так далее, то с онлайн — Семен сам говорит, простимулировать бы.

ММ. Что я сейчас начинаю делать? У нас выделен приоритет — креативная индустрия. Есть отдельно про это закон, отдельно под это выделены бюджеты, под креативную индустрию. Можно их все почитать, и вот если не смотреть буквальные формулировки, а смысл, то блогеры туда относятся, по всем смыслам и даже по направлениям, которые там описаны.

Они просто не вписаны словом таким, «инфлюенсеры» или «блогеры». То, что я начала делать, ставлю для себя как задачу — добавить блогеров прямо в этот каталог, грубо говоря, в список. Что что дает включение в этот список? Субъекты креативной индустрии имеют большое количество льгот, они имеют возможность получать субсидии, ну и разные финансовые мотивации. Хотя бы с этого начать было бы здорово.

Первая площадка, на которой мы эту концепцию уже внедрим — благодаря неравнодушному отношению руководства Башкортостана в октябре будет проходить международный форум креативных индустрий, в Уфе. Мы договорились с руководством, что блогеры там будут представлены под примерным названием «Блогеры как субъект креативных индустрий». Это уже будет первая хорошая заявка. Над этим я планирую продолжить работать. Потому что это будет признание, в том числе на уровне страны.

АЧ. Институциональное место некое.

ИК. Потому что пока понятно, пока есть гранты, есть всякие-разные направления обучения. Опять же — раздача денег под всякие проекты и тому подобное. Но нет институционального

подхода.

СУ. Места в обществе нет.

АЧ. Это место надо выстроить.

ИК. Причем самое интересное, возвращаясь к моей деятельности, у нас, например, Минтруд в подсчете, кто из выпускников журфаков, медиакоммуникаций и так далее, устроился на работу, *не включает* самозанятых, ИПшки и так далее. А это как раз-таки блогеры. Они считают медийщиками только тех, кто пошел...

АЧ. Устроился на работу в газету, журнал, телеканал и так далее.

ИК. К методике очень много вопросов. А дальше отсюда все пляшет. Значит, у нас они не востребованы, значит, у нас медийка такая-сякая. Фиг вам — образовательные кредиты на подготовку профессиональных журналистов и медийщиков.

ММ. Один хорошо знакомый нам блогер брал интервью у разных депутатов про блокировку соцсетей. И один из депутатов Государственной Думы сказал: «Да кого это задело? Да кто там зарабатывает особо в этих соцсетях? Тысяч 10, тысяч 20 человек, реально». Ему когда сказали цифры в миллионах, он впервые услышал. Это о том, что

у многих представителей власти просто нет понимания, что такое соцсети, что там происходит.

СУ. Это профнепригодность на самом деле.

АЧ. Они из предыдущей эпохи.

СУ. Они не знают структуру современного общества. Так это и есть профнепригодность.

АЧ. Общество поменялось, но они по наследству переходили из созыва к созыву. Как раз они были вполне себе профпригодны тогда, когда общество было другим, телевизионно-центрированным.

ИК. Ладно, братцы, давайте потихонечку подводить уже итоги нашего сегодняшнего обсуждения. По кругу, как обычно, пойдём. Семен, начинай.

СУ. Для меня тема сверхактуальная, потому что я сам являюсь деятелем этой сферы. У меня были «мои университеты» с 2020 по 2025 год у Дмитрия Юрьевича Пучкова. Я так к этому и отношусь, что я в Питер как на новый университет, на пять лет попал. Я по-другому взглянул на весь этот мир. То, чем я занимался ранее, [было иным] до науки Дмитрия Юрьевича, а тут он многое объяснил. Я устоялся в мысли, что — мы же, блогеры-инфлюенсеры, подмешиваем эмоцию в любую информацию — я стал убежденным сторонником, что

нужно подмешивать эмоцию любознательности.

Есть такая, особая, она сложная. Это как было в нашем советском детстве устроено. Хочешь посмотреть фильм, сначала ты 15 минут посмотришь «Хочу все знать». Не получится. Опоздал, не посмотрел «Хочу все знать», про индейцев не посмотришь. Вот так работает. И я

экспериментирую.

Я готов, во-первых, всячески участвовать, а во-вторых, я же сейчас переехал в Краснодар. Наверное, нужно еще и регионально деятельность подобную разворачивать. Я готов взять на себя такую общественную нагрузку, тем более это сейчас самый растущий город. И вообще, если есть на свете рай, это Краснодарский край. Вся страна бывает, это важнейший узел информационный, из того, что я наблюдаю. Голос его недостаточно, представлен, а там есть свои инфлюенсеры. Может, они не такие мощные, как столичные, как питерские, тем не менее, нужно на региональный уровень выходить, поэтому давайте дружить домами.

Задача практическая, потому что наша задача про факел и немытую... как нас учит Дмитрий Юрьевич, надо сделать.

ИК. Кстати, вот еще один спектр, плоскость, которой мы не коснулись, может быть, сейчас под занавес обсуждения, это военные блогеры.

СУ. Это отдельная тема вообще.

ИК. Это пространство, вы с ним работаете?

ММ. У нас их нет в сообществе. При этом наше сообщество плотно взаимодействует с военносудственным комитетом. Даже на момент выхода эфира у нас пройдет большое совместное мероприятие на территории военносудственного комитета, мы на встречу приглашаем 20 наших инфлюенсеров.

Почему? Потому что мы периодически передаем необходимые вещи через военносудственный комитет, мы передаем, они перевозят, там дальше распределяют. К примеру, мы реализовывали в июне акцию «Крестная фея». Это наши блогеры, звезды и так далее передали праздничные платья, которые у них висели в бесконечном количестве и ни разу их не надевали. Мы передали их на Донбасс для тех девчонок, у которых выпускной, и у которых, понятно, нет возможности закупить себе наряд. В части взаимодействия мы здесь с ВСК больше дружим.

ИК. Финальное резюме.

СУ. Мое уже было.

ММ. Большое спасибо, что пригласили. Отдельно я забираю с собой некоторые практические артефакты. Во-первых, книжный клуб имени Семена Уралова.

СУ. Возгоржусь.

ММ. Во-вторых, предложение возглавить в Краснодаре сообщество блогеров.

СУ. Провозгласить. Не «главные», а «гласные».

ММ. Важно, что вы в этом разговоре были на стороне инфлюенсеров, как я почувствовала. Очень мало сейчас есть таких мест, в которые ты приходишь, и тебя абсолютно понимают и ценят то, чем ты занимаешься. Со стороны интеллигенции особенно не любят то, что блогерами кто-то может заниматься, потому что — хоть бы они все провалились сквозь землю побыстрее.

Дальше я надеюсь, что мы можем вместе... Были заданы очень качественные вопросы по

дальнейшей судьбе и дальнейшим механизмам, куда можно было бы встроить работу конкретно наших блогеров, как им облегчить получение заработков в текущих обстоятельствах. Это все было для меня очень ценно. Надеюсь, что я тоже что-то новое рассказала вам и зрителям. Большое вам спасибо.

ИК. Спасибо. Алексей.

АЧ. У меня всегда двойственное отношение к тематике заниматься блогерами, журналистами, инфлюенсерами и так далее. Потому что здесь самое важное не сам факт занятия, а найти нужную ноту.

Найти форму тактичного, уважительного отношения с этой средой, которой нельзя командовать.

Я внутренне подергиваю плечами, когда у нас Дурова объявляют иноагентом или еще что-нибудь в этом роде, из верхней позиции. Это такая среда, такая история, с которой надо договариваться. с которой надо именно выстраивать взаимоотношения, которой надо содействовать, заинтересовывать, вовлекать.

Наверно, главный фазовый переход, который нужно сделать нашему государству, как раз-таки состоит в том, чтобы освоить эти формы взаимодействия с теми, кем невозможно командовать. Кого можно только увлечь, вовлечь, привлечь, заинтересовать. Это то, что мы очень плохо умеем. Мы как государство, как страна в какой-то момент этот навык утерали.

СУ. Точно. У нас только могут привлечь к уголовной ответственности.

АЧ. Да, к уголовной могут. А все остальное — очень сложно. Мое впечатление — они как дети. Очень ресурсные, очень влиятельные, с огромными аудиториями, с огромным значением, но единственный способ с ними взаимодействовать...

Тот, кто умеет с детьми, тот может и с блогерами.

ИК. Спасибо большое. Мария Марьясова сегодня у нас в гостях была. Руководитель комитета по работе с блогерами.

Наши постоянные ведущие: Алексей Чадаев, политолог, журналист; Семен Уралов, политолог, журналист, писатель.

Благодарю, конечно же, всех наших зрителей. Друзья, ждем от вас лайк этому выпуску. Это важно для продвижения «Чистоты понимания». Мы в [Рутубе](#), в [Ютубе](#). И в [ВК](#) тоже есть. Поэтому смотрите нас там, пишите комментарии.

Увидимся.

**В подкасте упоминаются: Дуров П. – внесённый Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов; деятельность корпорации Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в РФ, признана экстремистской*

[Словарь когнитивных войн](#)
[Телеграм-канал Семёна Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)